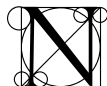

(PHILOSOPHY)

Эрих
ФРОММ

Кризис
психоанализа

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 159.964.2
ББК 88.6
Ф91

Серия «Философия – Neoclassic»

Erich Fromm
THE CRISIS OF PSYCHOANALYSIS

Перевод с немецкого

Серийное оформление и дизайн переплета —
А. Кудрявцев, А. Ткаченко, студия «FOLD & SPINE»

Печатается с разрешения The Estate of Erich Fromm
and of Annis Fromm
и литературного агентства Liepman AG, Literary Agency.

Фромм, Эрих.

Ф91 Кризис психоанализа : [перевод с немецкого] /
Эрих Фромм. — Москва : Издательство АСТ, 2017. —
256 с. — (Философия — Neoclassic).

ISBN 978-5-17-102561-8

«Кризис психоанализа» — одна из знаковых работ великого германского философа-гуманиста и социального психолога Эриха Фромма, ученого, революционизировавшего психоанализ и создавшего новую теорию, противоположную фрейдистской. В этой работе, оказавшей огромное влияние на развитие современной философии, педагогики и даже литературы, автор анализирует «сексуализацию» психологии Фрейдом и его многочисленными последователями — и одновременно «социализацию» философии Марксом и его последователями — и развивает собственную концепцию становления и развития человеческой личности, на которую в равной степени оказывают влияние сознательное и бессознательное, общее — и частное.

УДК 159.964.2
ББК 88.6

© Erich Fromm, 1970

© Перевод. А. Александрова, 2017

© Перевод. Е. Руднева, 2017

ISBN 978-5-17-102561-8

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

I.	Предисловие	7
II.	Кризис психоанализа	10
III.	Фрейдовская модель человека и ее социальные детерминанты	56
IV.	Вклад Маркса в знания о человеке	81
V.	Гуманистическое планирование	102
VI.	Эдипов комплекс: заметки по поводу случая маленького Ганса	117
VII.	Значимость теории материнского права сегодня	132
VIII.	Теория материнского права и ее важность для социальной психологии	140
IX.	Метод и функция аналитической социальной психологии (Заметки о психоанализе и историческом материализме)	179
X.	Психоаналитическая характерология и ее значение для социальной психологии	216
	Эпилог	251

I. Предисловие

Э то собрание эссе, написанных в разное время между 1932 и 1969 гг., объединяет общая тема взаимосвязи между психологическими и социальными факторами. Решение опубликовать и ранние статьи, изначально изданные на немецком языке, было принято в связи с тем, что они все еще представляют собой самое полное и адекватное изложение теоретического базиса, на котором основаны мои позднейшие работы по этой тематике. Мне представляется, что они особенно своевременны сегодня, когда данный предмет (особенно связь между теориями Маркса и Фрейда) вызывает горячие дискуссии — дискуссии, которые, боюсь, носят иногда непрофессиональный и путанный характер. Я немного изменил бы в тех ранних работах, за исключением того, что сегодня я не написал бы их в терминах фрейдовской теории либидо; однако это едва ли имеет большое значение, поскольку общее направление мысли сохраняется. Я преодолел искушение сделать какие-либо изменения в содержании этих статей, но указал на расхождения между

тем, что в них говорилось, и моими современными взглядами в примечаниях; единственные изменения, которые я внес, заключаются в сокращении тех их частей, которые представляются излишне длинными или касаются мелких моментов, не представляющих сегодня интереса.

Обширное эссе, которым открывается книга, «Кризис психоанализа», так же как «Значимость теории материнского права сегодня» и «Эпилог», были написаны специально для этого тома. Касаясь в первую очередь психоаналитической теории и терапии, «Кризис психоанализа» содержит попытку проанализировать социальные детерминанты развития психоанализа, как это делается и во второй главе в отношении фрейдовской модели человека.

Главы различаются между собой и потому, что были написаны по разным поводам. По этой причине меняется не только их стиль; в определенной мере они повторяют друг друга. Этого можно было бы избежать, только урезав их, что привело бы к разрушению индивидуального характера каждой статьи. Надеюсь, читатель примирится с этим, в особенности потому, что иногда даже повторяющиеся утверждения не идентичны, а в одном случае выражают идеи более полно, чем в другом, так что они могут даже прояснять друг друга.

«Кризис психоанализа» содержит некоторые идеи, которые я более полно развиваю в обширном и пока еще не опубликованном исследовании, которое предположительно будет называться «Гуманистический психоанализ», отчасти поддержанном исследовательским грантом 5 ROIMH 1314402 Национально-

го института психического здоровья Службы здравоохранения США.

Хочу выразить горячую благодарность мистериу Джозефу Каннину из издательства «Холт, Райнхарт и Уинстон», оказавшему мне огромную помощь и проявившему глубокое понимание при редактировании рукописи, и доктору Джерому Брамсу за его помощь при обсуждении Эго-психологии.

Э.Ф., январь 1970 г.

II. Кризис психоанализа

Современный психоанализ переживает кризис, который при поверхностном взгляде проявляется в определенном уменьшении числа студентов, стремящихся к подготовке в психоаналитических институтах, а также в числе пациентов, обращающихся за помощью к психоаналитикам. В последние годы появились конкурирующие виды терапии, обещающие лучшие результаты лечения и требующие гораздо меньших затрат времени, а отсюда, конечно, и денег. Психоанализу, в котором десять лет назад городской средний класс видел избавление от своих психологических проблем, теперь приходится защищаться от конкурентов-психотерапевтов и от потери своей терапевтической монополии.

Чтобы оценить этот кризис, полезно рассмотреть историю психоаналитической терапии. Более половины столетия назад психоанализ открыл новую область — экономически говоря, новый рынок. До того человек должен был быть безумным или страдать от болезненных и ограничивающих социальные возможности симптомов, чтобы считаться достойным помощи психиатра. Менее выраженные психические проблемы считались относящимися к сфере деятельности священника или семейного врача; в большинстве слу-

чаев от человека ожидалось, что он справится с ними сам или будет молча страдать.

Когда Фрейд начал свою терапевтическую работу, он имел дело с пациентами, которые были «больны» в общепринятом смысле слова: они страдали от затрудняющих жизнь симптомов вроде фобий, навязчивой тяги и истерии, даже если они не были психопатами. Когда психоанализ начал медленно распространять свои методы на людей, которые традиционно не считались «больными», пациенты начали обращаться с жалобами на свою неспособность наслаждаться жизнью, на неудачные браки, на общую тревожность, на мучительное чувство одиночества, на трудности в том, чтобы справляться с работой и т. д. В противоположность прежней практике эти жалобы стали классифицироваться как «болезнь» и новый тип «помощника» — психоаналитик — должен был позаботиться о преодолении «трудностей жизни», которые до того не рассматривались как требующие профессиональной помощи.

Это развитие не произошло одновременно; однако постепенно оно стало очень важным фактором в жизни городского среднего класса, особенно в Соединенных Штатах. До сравнительно недавнего времени было почти «нормальным» для представителя определенной городской субкультуры «иметь своего аналитика» и значительную часть времени проводить «на кушетке», как проводили его в церкви или в храме.

Причины такого бума психоанализа легко понять. Наше столетие, «эпоха тревоги», породило все возрастающие одиночество и изоляцию. Упадок рели-

гии, кажущаяся бесплодность политики, появление полностью отчужденного «человека организации» лишили городской средний класс системы ориентации и ощущения надежности в бессмысленном мире. Хотя некоторые люди нашли, казалось бы, новые ориентиры в сюрреализме, радикальной политике или дзен-буддизме, в целом разочарованный либерал искал философию, которую он мог бы принять без каких-либо фундаментальных перемен в своем взгляде на жизнь, т. е. не становясь «другим» по сравнению со своими друзьями и коллегами.

Психоанализ предлагал удовлетворение этой потребности. Даже если симптом не излечивался, было огромным облегчением иметь возможность говорить с кем-то, кто внимательно и более или менее доброжелательно слушал. То, что психоаналитику приходилось платить за выслушивание, оказывалось лишь незначительным недостатком; возможно, это было даже вовсе не недостатком, потому что сам факт платы аналитику доказывал, что терапия серьезна, уважаема и многообещающа. Кроме того, престиж психоанализа был высок, поскольку экономически он являлся предметом роскоши.

Психоаналитик предлагал замену религии, политики и философии. Фрейд предположительно раскрыл все секреты жизни: бессознательное, эдипов комплекс, повторение детского опыта; как только человек понимал все эти концепции, для него не оставалось ничего таинственного или сомнительного. Индивид становился членом довольно экзотической секты, в которой аналитик был жрецом; проводя время на кушетке, человек чувствовал себя менее озадаченным и менее одиноким.

Это особенно распространялось на тех, кто страдал не от ясно выраженных симптомов, а от общего дискомфорта. Такой индивид, чтобы измениться в нужную сторону, должен был получить представление о том, каков неотчужденный человек, что значит жить жизнью, при которой нужно *быть*, а не *иметь* или *использовать*. Такое видение потребовало бы радикальной критики собственного общества, его открытых и в особенности скрытых норм и принципов; оно потребовало бы мужества отказаться от многих удобных и обеспечивающих защиту связей и оказаться в меньшинстве; оно также потребовало бы большего числа психоаналитиков, которые сами не были бы затянуты в психологическую и духовную путаницу автоматизированной, индустриализированной жизни.

Часто можно было наблюдать «джентльменское соглашение» между пациентом и психоаналитиком; ни один из них на самом деле не хотел потрясения фундаментально новым опытом; их удовлетворяли мелкие «улучшения», они, не осознавая этого, были благодарны друг другу за то, что не выносят на поверхность неосознанный «сговор» (если использовать термин Р. Д. Лэинга). До тех пор пока пациент приходил, разговаривал и платил, а аналитик слушал и «интерпретировал», правила игры соблюдались, и игра устраивала обоих участников. Более того, наличие аналитика часто использовалось для того, чтобы уклониться от пугающего, но неизбежного факта: необходимости принимать решения и подвергаться риску. Когда от трудного — или даже трагичного — решения нельзя было уклониться, аддикт психоанализа трансформировал реальный конфликт в «невротическое» проявление, которое нужно «еще

анализировать», часто до тех пор, пока ситуация, требующая решения, не исчезнет. Слишком многие пациенты не бросали вызов аналитику, как и аналитик — им. Те, кто участвовал в «джентльменских соглашениях», подсознательно и не желали бросать вызов, потому что ничто не должно было раскачивать лодку их «мирного» существования. В дополнение к этому, поскольку психоаналитики становились все более уверены в большом поступлении пациентов, многие из них делались ленивыми и начинали верить в рыночное правило, согласно которому их «пользовательская ценность» должна быть высока, потому что высока их «рыночная стоимость». Поддержанные могущественной и престижной Международной психоаналитической ассоциацией, многие стали верить в то, что обладают «истиной» после прохождения ритуала допуска к получению диплома. В мире, где величина и могущество организации является гарантией истины, они только следовали общей практике.

Не предполагает ли это описание, что психоанализ не произвел в людях каких-либо существенных перемен? Что он был целью сам по себе, а не средством достижения чего-то? Ни в коей мере: речь шла о неправильном использовании аналитической терапии некоторыми из аналитиков и пациентов, а вовсе не о серьезной работе, успешно проводившейся другими. Действительно, поверхностное отрицание терапевтического успеха психоанализа больше говорит о затруднениях, испытываемых некоторыми модными авторами в понимании комплексных факторов, с которыми имеет дело психоанализ, чем о психоанализе как таковом. Критика со стороны людей, имею-

щих малый опыт (или вовсе никакого) в этой области, не может выстоять против свидетельств аналитиков, наблюдавших многих пациентов, получивших облегчение неприятностей, на которые жаловались. Немалое число людей испытали новое чувство жизни и способности радоваться; при том что никакой другой метод, кроме психоанализа, не мог привести к таким изменениям. Конечно, были и такие, кому совсем не удалось помочь, как и те, кому удалось достичь только умеренного улучшения, однако здесь не место анализировать терапевтический успех психоанализа статистически.

Неудивительно, что многие люди были привлечены обещаниями более быстрых и дешевых методов «лечения». Психоанализ показал возможность того, что благодаря профессиональной помощи можно облегчить страдания человека. С переходом к большей «эффективности», «быстроте»¹ и «групповым занятиям», а также с распространением потребности в лечении среди людей, доход которых был недостаточен для длительных ежедневных сессий, новые виды терапии неизбежно стали очень привлекательными и отвлекли от психоанализа множество потенциальных пациентов².

¹ Для сравнения: статья Анисето Арамони «Новый анализ?», представленная на Третьем форуме психоанализа, Мехико, 1969.

² Изобретение групповой терапии, каковы бы ни были ее терапевтические достоинства (которые я не могу оценить, не имея личного опыта), не удовлетворило потребности в более дешевом лечении и создало вторую основу для психоанализа. Сензитивные группы стали теперь популярным выходом для потребности в том, чтобы какой-то вид терапии стал частью массовой культуры.